

Удалившись в Тальси, Обинье послал сорок человек своей роты в Сансер, сам же, предпочитая отправиться в Ла-Рошель³⁴ вместе с теми, кто питал те же намерения, укрылся на несколько месяцев в Тальси. Однажды, рассказывая о своих злоключениях отцу любимой им девушки, он упомянул, что недостаток средств мешает ему отправиться в Ла-Рошель. Старик возразил: «Когда-то вы мне сказали, что подлинники бумаг, касающихся амбуазского дела, были отданы на хранение вашему отцу и что к тому же на одной из них стоит подпись хранителя печатей де л'Опиталья³⁵. В настоящее время л'Опиталь поселился в своем доме близ Этампа; это человек, теперь никому не нужный; к тому же он выразил порицание вашей партии. Если хотите, я пошлю предупредить его, что вы располагаете этими документами. Я берусь заставить либо его, либо тех, кто воспользуется бумагами против него, уплатить вам десять тысяч экю». Выслушав это, Обинье принес мешочек из старого бархата, показал бумаги и, подумав, бросил их в огонь. При виде этого владелец тальсийского замка стал его укорять. Обинье ответил: «Я сжег их из боязни, что они сожгут меня: я избег соблазна». На следующий день старик взял влюбленного за руку и сказал: «Хоть вы мне и не открыли своих намерений, но я достаточно зорок, чтобы заметить вашу любовь к моей дочери. Ее руки домогаются многие люди, превосходящие вас богатством». Когда Обинье сознался в своей любви, старик продолжал: «Вы сожгли бумаги из боязни, что они сожгут вас; это побудило меня сказать вам, что я хочу считать вас моим сыном». Обинье ответил: «Сударь, за то, что я презрел суетное и нечестным путем стяжаемое сокровище, вы даете мне другое, ценность коего измерить я не в состоянии».

Через несколько дней после этого разговора Обинье остановился в одной деревне в Босе. Какой-то человек, преследуя его верхом на арабском коне, чуть не убил его у дверей гостиницы. Тогда Обинье вырвал шпагу из рук помощника повара и в туфлях бросился на врага, поворотившего к нему коня: пеший Обинье наткнулся на лошадиную морду и был оглушен этим ударом. Придя в себя, он шпагою нанес удар всаднику, оказавшемуся в панцире; ударив опять, он всадил шпагу на полфута под кирасу; потом упал, бросившись в сторону, на лед. Всадник не преминул кинуться на него и нанести ему две раны, из них одну глубокую в голову. Раненый Обинье опять бросился на противника и схватил его поперек тела, но конь, рванувшись, отбросил его на землю. Поняв по лицу врача, что рана опасна, Обинье не позволил снять с себя первую повязку и уехал до рассвета, чтобы умереть в объятиях любимой. Трудность проделанного им двадцатидвухмильного пути вызвала воспаление всей крови. Он заболел и молча лежал без чувств и без пульса. Два дня он был лишен перевязок и еды. Наконец благодаря подкрепля-